

«Душа обязана трудиться»

● ВАШИ
СТАРЫЕ
ЗНАКОМЫЕ



ПЕТР СУХАНОВ

ГРОМ

Как он гремел!
Как рассыпался,
Как разрывался на
ладьях...
Стонала даль. И ветер
задышался,
Искрась среди восторга
и беды.
Каждое, мир
расколется и рухнет...
Каждое, дрогнет
древняя земля...
И горизонт рассыплется,
как ружьядь,
На жалкие осколки
бытия...
Кричали плащи, чадая
от боли.
Смешалось все в
безумии страстей.
И закрывали женщины
собою
Грудных и перекутаных
детей...

КОМПРОМИСС

Влюбиться —
Раз и навсегда!
Прожить — как
должно...
Но...
Не всегда
Все
на земле
возможно.
Мир — как фонарь.
Жизнь — нотылек.
Летит
по свету
Среди распутиц
И тревог
На мрак —
К свету!..
Я был бы рад,
и без ума
От счастья,
если б
Вонзину
Развернулась тьма
И вечно
лижи
песни!
Но, выходи за грани дат,
Любая время,
Мы
От утрат
Становимся добрее.
Мне говорят, что —
не резок...
Развал, мол, в мире...
Но доброта — как
горизонт:
Все шире,
Шире!
И вот —
Уже во все края
И захохотав
Летит
по свету
жизнь
моя...
И пусть!
Я
Переняю этот ник,
И по закону
От сердца
Отрываю стих
В дар
Аполлону...
Гори, являющаяся
мысль! —
Сжигай устavy...
Жизнь —
Это вечный компромисс.
Счастливым —
Слава!

СТИХИ

О РАЗБИВШЕМСЯ ПЛАНЕРЕ

Мир прост
и страшен —
и страшен —
как свеча!
Как небо
В окнах камер...
Как эгоз,
Павший у ручья
Веселый
Планер!..
А было —
Только небеса!
Взгляни, катужась,
Как
запрокинувшись
глаза,

Глотая
Ужас!
Я вижу
Смытые крыла.
Они — как руки.
Как полосы добра и зла
В пролетах
Круже!
Мир прост нежельежно...
Хвала
Создателю его...
И все же,
Имей я
Этих два крыла, —
Летал бы
Там же.

Я шел в тайгу —
Не как первопроходец,
А как уходящий к другу
от жены...
Душа, как высокий
молодец,
Была уле без мысли и
вины.
Я шел в тайгу — увял —
не за мечтами
Мне надоела в детстве
эта блажь...
(Да вы и сами, мочет,
замечали,
Что все мечты похони
на мираж).
Я шел в тайгу
Ухватисто и грубо,
Ломая ветви, будто бы
года.

Там
Рубят лес на срубы
лесорубы.
Там
Убивают время поезде!
Мне было все равно...
Мне было плохо.
И оттого, что жизнь
не удалась,
Я знал:
Здесь ни при чем эпоха.
И не ругай судьбу свою
и власть.
Я понимал:
Прекрасное — возможно,
Дай только бог
здоровья и удач!..
Я шел в тайгу упрямо
и безбожно,
Как мученик,
Как грешник,
Как палач...
Дынилась топь болотная
олонно.
Трескали нервы, будто бы
дрова...

Я уходил случайно
И — законом.
Поправ на миг уставы и
права.
И, наконец, дожда до
медведурчел
И замерев надолго у
воды.
Я ощутил
Почти нечеловечий
Накой-то диний вымысел
беды...
Прости меня, любима, за
шалость!
Я возвращаюсь.
Хватит чепухи!..
И если ты и вправду
обманалась —
Прости за все
И даже за стихи.

Терроризируешь
улычками
меня!
Играешь в прятки...
То прогоняя,
То — маня,
И эзюки — сладки!..
Красивая!..
И оловы — до плеч...
И валды смертельный,
как у королевы.

Таких
Необходимо гечь,
Чтобы завидовали
стервы!

Таких
На тыщи есерт окрест
Не наберешь
и даже
для музек!..
За этот вазалд,
За этот жезд
Я ничего не пожалю!..
Пускай
Простят меня друзья...
А не простят —
Я буду драться!..
Счастливая! —
Таких любить нельзя, —
Таками
Можно только
восхищаться!

Вечереет.
Тихо. И прекрасно.
В поволоке слынут
небеса.
Невозможно
В мире жить напрасно,
Если существуют чудеса.
Как бы
Мы ни сполывали реки,
Как бы ни танулись к
топору —
Я люблю безумно —
человече
Вечное стремление к
добру.
Я всегда выношываю
думу —
Тайную! — для женщин
и друзей:
Чтобы жизнь, как
свечку, не задуло —
Надо вечно радоваться
ей,

Упала дождь на тропке
сада.
Родители спешат
поднять.
Не надо, слышите, не
надо!
Ей и самой нетрудно
встать.
Смешными, робкими
шапками,
Но все же на своих
двоих,
Проща и зацепила
камень,
А сколько в жизни
будет их?!
Зачем же, трево
понимая,
Что жизнь не стелется
ковром.
Подобно квочкам,
прикрываем
Детей родительским
крылом?
Им побольше придется
падать,
Кусая губы старяча.
И потому прошу: не
надо
Науку жпанг облетать.

ЭТЮД С МАЛЬЧИКОМ

В небесах белогриные
конк
К золотой бобылке
спешат.
Мальчик солнцу
подставляет ладени.
И ладони по небу летят.
Сколько чистого детского
дара
В удивленье
мальчишеских глаз!
Взмах руками...
Мальчишка Игаром
От земли оторвется
сейчас.
Вознесется, как в снах
споротечных,
Над разливом весны и
травы.
Еще миг... Но на детские
плечи
Давит мощная кладь
синевы.

ОДА ПОДЪЕМНЫМ КРАНАМ

Я видел, как башенный
кран пошатнуло,
Как мертво дрожь по
леду пробежала,
И мощную вичку
покрыло согула
Жесткая сила —
усталость металла,
Конечно, подъемные
краны — не люди,
О них по-людски
сжалеть не пристало.
Но горькое чувство в
душе моей будет
Знакомое слово —
«усталость» металла.
Мы больше не носим
кровавых мозолей,
В деревне и той
лошадей не ослепость.
И нас в борозде на
распаханном поля



ИЮЛЬ-81

В смертельную дрему
не дали усталость.
Дома с каждым годом
сгораются выис,
Следы становятся
мысли и планы.
Взгляните на небо:
над каждой крышей —
Как мускулы века,
подъемные краны.
ДВА ВСАДНИКА
За гриву дончана
схватил малец.
Он скачет без седла
и без уздечки.
А рядом — солнце на
спине у речки,
У речки с бойким
именем — Довец.

У меня появился враг.
Неожиданно как-то...
Вдруг.
И в пылу бумажных
атак
На принцип берет,
на испуг.
Раньше рядом ходил
со мной,
Сigaretу одну курил.
А выходит, что за
спиной
Для поклонов перо
острил.
Он, наверно, не спит
ночей,
Перапнывая «труды»,
Изводя для своих ватей
Много крова, чернил,
воды.

И кажусь я ему
страшной,
Чем душитель в
кошмарном сне,
Чем бандитский шабаш
теней
Ночью ветреной на
степе...
Грустно мне, что
бывает так:
Ныдче — друг, а на-
завтра — враг.

КУКУШКА
Маняно крнк ладеной
птицы
За глас судьбы
аосприимать.
Подмышш замолчат
бонтса.
Он иличет мать.

Ты ночью плакала
во сне.
Тебе пригрезилась
разлука,
Тебе пригрезилось:
ко мне
Чужие протинулись руки
И я их астрелит не в
штыки.
Я эту руки не отбросил...
Внезапной реальностью
горьки,
Свет белый застлал
вопросы:
Неужто все? Какой
конец...
Жестокий, грязный...
Мерзко это...
А как же общность
дух сердца
И чистота душ позе?...
А все тревога, беда,
боль,

ВАЛЕРИЙ ЛАТЫНИН

Что покидали нас
нечасто,
Что стали общю
судьбой
И просекой сноврз тачу
к счастью?..
Не в силах боль свою
сдержат
И: мукой муку вытесняя,
Подушку начала
терзать,
Бессильно кулаки
сжимал...
Просиясь, любима...
Прости
За то, что сон — как
наведенье,
За то, что смог он
привнести
сомнения.
Просиясь, я рдею, я
с тобой,
И мы повенчаны навеки
Одной бедой, одной
судьбой,
Одной любовью к
человеку,
Что спят, ручки
разбросав,
Оставя кукол и
тетрадки.
И наше счастье на
часах
Стоят над детскою
кроватью.

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

Мой верный друг, мне
правится сполне,
Что ты полт и что вшуд
не карлик.
Но помни, что в
далекой стороне
Тобой обжен
невиновный мальчик.
Твоя судьба —
жестокый черновик.
Года не все ошибки
исправляют,
Прислушайся: слова —
как птичий крик,
Когда по птицам из
ружья стреляют.
Я говорю сквозь слезы
потому,
Что в детстве сам
толпался у причала,
И, вопреки сигоретке
своему,
Упрямо верил: брати
поверстало.
О, сколько раз,
обманувший чудеса,
Я был лишенью для
людских насмешек,
Когда релтем цепенялся
на чужом
Отце, а он стоял,
и ты хлебнула из
этого котла.
Так помни же
горчиный вкус обиды.
И на твоих весах добра
и зла
Что чертланет — лучше
будет видно.